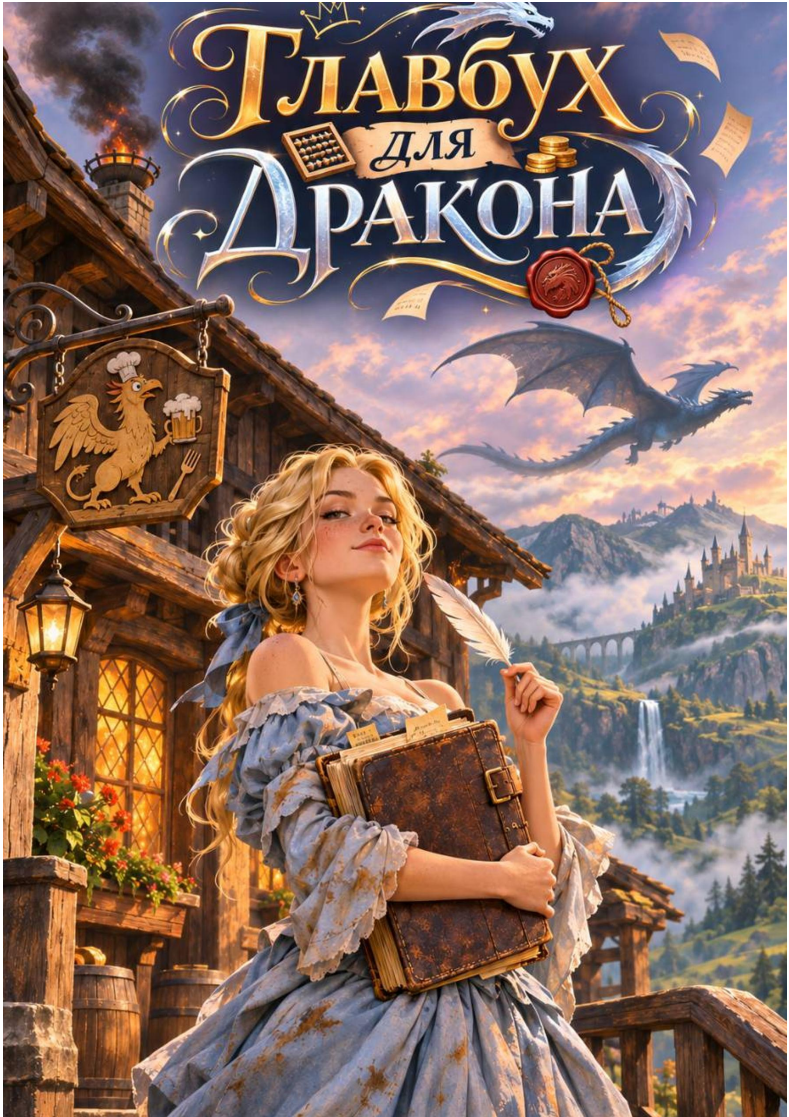

Главбух
для
Дракона

Руслан Куликов
Главбух для дракона

https://litres.ru/74727093
SelfPub; 2026

Аннотация

Тамара Ильинична, главбух районного ЖКХ, засыпает над квартальным отчётом, а просыпается в теле юной жены генерала-дракона. Прямо посреди развода.

Её обвиняют в краже из драконьей казны, лишают имени и отправляют в ссылку на разорённый постоялый двор у пустой дороги. Там печь ворчит человеческим голосом, насос качает воду только за горсть соли, а гном-постоялец третий год не платит за комнату.

Другая бы расплакалась. Тамара берёт амбарную книгу и проводит ревизию. Очень скоро она понимает, что цифры не сходятся не просто так, подпись на уликах чужая, а настоящий вор стоит к дракону гораздо ближе, чем кажется.

Вот только у вора тридцать лет безупречной службы, а у неё одна ночь, сварливая печка и калькулятор в голове.

Весёлая история о попаданке, которая не боится ни драконов, ни проверок.

Содержание

Глава 1. Развод по акту 4
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Руслан Куликов
Главбух для дракона

Глава 1. Развод по акту

– Подпишите, миледи. Внизу, где клякса.

Перо ткнулось Тамаре в пальцы, и она его взяла: за пятнадцать лет в расчётном отделе рука привыкла хватать всё, что пишет. Перо было гусиное, с обгрызенным кончиком. Бумага под ним оказалась плотной, желтоватой, с золотым обрезом и такой длинной, что свисала со стола до самого пола. Тамара моргнула. Стола такого в её кабинете не было. Кабинета, если честно, тоже. Вместо крашенных в цвет «топлёное молоко» стен и календаря от «Водоканала» вверх уходили колонны, между ними висели знамёна с чёрным драконом, а вдоль стен на резных скамьях сидели люди в бархате и мехах и смотрели на неё так, как смотрят на соседку, у которой ночью увозили холодильник. Последнее, что Тамара помнила, был квартальный отчёт, третья кружка растворимого кофе и цифра в строке «задолженность населения», которая никак не хотела сходиться с банком. Потом, видимо, она положила голову на клавиатуру. Клавиатура почему-то превратилась в дракона.

– Миледи, – повторил голос над ухом, мягкий, как шерстяной носок. – Генерал ждёт.

Голос принадлежал пожилому господину в тёмно-синем камзоле. Пальцы у него были тонкие, ухоженные и в чернилах до второй фаланги, на носу сидели круглые очки, от которых к пуговице тянулась серебряная цепочка. Он держал перед Тамарой бумагу обеими руками, будто поднос с пирожными, и улыбался ровно настолько, насколько позволял этикет.

– А это что? – спросила Тамара и сама удивилась своему голосу. Он был тонкий, звонкий и совершенно не её. Её голосом можно было остановить очередь в кассу, этим разве что подозвать котёнка.

– Акт о расторжении брака, миледи. Смею заметить, вы его читали. Трижды.

– Я не читала.

По залу прокатился смешок. Кто-то из дам прикрыл рот веером, кто-то из мужчин хмыкнул в бороду. Тамара опустила глаза на свою руку с пером и некоторое время её разглядывала. Рука была узкая, белая, с розовыми ногтями и тонким золотым браслетом. Её собственная рука, та, что осталась в Кинешме над отчётом, имела облупившийся лак, мозоль от ручки на среднем пальце и шрам от консервной банки на большом. Эта рука в жизни не открывала консервов.

«Так, – сказала себе Тамара. – Без паники. Ты на совещании. Тебе дали документ. Документ надо прочитать».

Она положила перо и подтянула свиток к себе.

– Миледи, – в голосе господина в очках появилась трещинка, – позвольте, это займёт время…

– А у меня, как я понимаю, его теперь вагон, – ответила Тамара и начала читать вслух, потому что вслух ей всегда лучше думалось. – «Сим удостоверяется, что брак между Арвеном из рода Дейрис, генералом Пограничья Вельмарк, и Лиэль из рода Солс расторгается по вине супруги, уличённой в хищении из казны рода Дейрис суммы в три тысячи двести гребней…» Сколько?

– Три тысячи двести, – донеслось с другого конца зала.

Тамара подняла голову. Голос был низкий, короткий и с такой интонацией, будто его владелец не говорил, а ставил печати. Владелец сидел в кресле с высокой спинкой у дальней стены, под самым большим знаменем. Он был высокий даже сидя, в чёрном мундире с серебряным шитьём, и в чёрных волосах у него над виском белела седая прядь, как будто кто-то мазнул по голове кистью и бросил. Глаза у него были золотые. Не карие, не светло-ореховые, как пишут в романах, а именно золотые, и зрачок в них стоял вертикальной щелью.

– Это вы генерал? – уточнила Тамара.

По залу пронёсся вздох, какой бывает, когда в театре актёр забывает текст.

– Она издевается, – сказала дама с веером.

– Она нездорова, – сказал господин с бородой.

– Подписывай, – сказал генерал.

– А доказательства где?

Генерал Арвен Дейрис посмотрел на неё долгим тяжёлым взглядом, а потом на господина в очках. Тот кашлянул, сложил руки на животе и заговорил ровно, словно читал молитву:

– Позвольте, миледи, я напомню. Накладные на вывоз денежных ящиков из казначейской башни подписаны вашей рукой. Свидетели видели вас у казначейской башни в ночь на Сырную седмицу. Деньги не найдены, что, смею заметить, лишь доказывает вашу ловкость. Его светлость проявил великодушие. Вас не отдают под суд. Вы лишь лишаетесь имени рода, содержания и права появляться в столице.

– Накладные покажите.

– Я их показывал.

– Покажите ещё раз. Я, знаете, после обморока туго соображаю.

Господин в очках бросил быстрый взгляд на генерала. Генерал едва заметно кивнул. На стол легли три листа, исписанные бисерным почерком, с подписями внизу. Тамара взяла первый лист и поднесла к глазам. «Ящик казённый, окованный, один. Содержимое: гребни золотые, восемьсот. Получатель: двор Сытый грифон, Вельмарк, тракт Северный. Сопровождающая: Л. Дейрис». Подпись была с длинным хвостом, наклонная, решительная. Тамара покрутила лист, посмотрела на просвет и спросила:

– А почему печати нет?

– Печать здесь не требуется, миледи.

– У нас бы потребовалась. Без печати это не накладная, а записка на холодильник.

– На что?

– Неважно. А почему её нельзя поставить сейчас? Вон у генерала на пальце перстень с драконом. Это ведь печать?

Молодой писарь, сидевший у края стола над чернильницей, вдруг оживился, как школьник, который знает ответ.

– Печать рода Дейрис не терпит лжи, миледи! – выпалил он. – Если приложить её к бумаге при его светлости, а подпись на бумаге ложная, оттиск вспыхнет красным. Это все знают.

– Тарвик, – сказал господин в очках так ласково, что писарь сразу втянул голову в плечи. – Мы не станем утомлять его светлость подобной ерундой. Подпись миледи всем знакома.

– А мне – нет, – сказала Тамара.

Генерал поднялся. Встал он медленно, и пока вставал, в зале стало тихо, как в бухгалтерии, когда входит проверка. Он подошёл к столу. Шёл он мягко, неслышно для своего роста, и от него пахло горячим камнем, как от печки, на которую плеснули воды.

– Подписывай, – повторил он, глядя на неё сверху. – Или суд. Выбирай.

Тамара подумала о том, что суд в незнакомом мире, где

деньги называют гребнями, а мужья смотрят как ящерицы, вряд ли закончится условным сроком. Ещё подумала, что спорить с драконом, не зная даже, как тебя зовут, будет хуже любого суда. Она обмакнула перо в чернила и поставила подпись там, где была клякса.

Рука вывела подпись сама. Тамара не думала, какую букву писать, пальцы просто сделали привычное движение, и на бумаге легла маленькая, круглая, совсем детская «Лиэль» с петелькой над «л», похожей на завиток поросячьего хвостика. Тамара уставилась на петельку. Потом на накладную рядом, где наклонная подпись тянула свой длинный хвост к краю страницы. Никакой петельки там не было.

– Готово, – сказал господин в очках и выдернул акт у неё из-под рук с такой скоростью, что перо прочертило по столу чернильную полосу. – Ваше имущество, миледи, по брачному договору остаётся при вас. Это приданое вашей покойной бабушки. Постоялый двор «Сытый грифон» в Вельмарке. Карета уже подана.

– Тот самый двор, который в накладной? – уточнила Тамара.

Господин в очках снял очки, протёр их о рукав и надел снова.

– Совпадение, – сказал он. – У вашей бабушки был обширный круг знакомых. Счастливого пути, миледи.

Генерал Арвен Дейрис уже шёл к выходу и не обернулся.

Карета была чёрная, с гербом, но гербом её покрасили на-

спех, поверх другого, и из-под драконьего хвоста выглядывала чужая виноградная гроздь. Кучер оказался немолодым, усатым и всю дорогу так демонстративно молчал, что Тамара сама начала с ним разговаривать, просто чтобы не слушать собственные мысли. От кучера она узнала, что зовут её Лиэль, что ей девятнадцать, что замужем она была одиннадцать месяцев, что генерал за эти одиннадцать месяцев был дома от силы два раза, потому что на северном перевале опять шалят горные тролли, и что сама она, по словам кучера, «тише воды, а уж ниже травы и подавно». Последнее он сказал с укором, будто именно тишина и довела её до кражи.

– А казначей этот, в очках? – спросила Тамара.

– Мастер Кассиан Мортлейн, – уважительно ответил кучер. – Тридцать лет при роде Дейрис. Ещё отцу генерала служил. Без него бы, говорят, и казны никакой не было.

– Говорят, – повторила Тамара и стала смотреть в окно.

За окном тянулась туманная долина, где дорогу с одной стороны подпирали горы, а с другой обрыв, и где на каждом третьем столбе висел знак с перечёркнутым троллем. На закате карета остановилась у покосившихся ворот. Кучер спустил на землю её сундук, маленький и лёгкий, как обувная коробка, приподнял шапку и уехал так быстро, будто за ним гнались все тролли перевала.

Над воротами висела вывеска. На ней был нарисован грифон с крыльями орла и телом льва, во всяком случае, так задумывалось. Художник, видимо, никогда не видел ни орла,

ни льва, зато хорошо знал курицу, и грифон вышел упитанным, с гребешком и задумчивым выражением на клюве. Под ним облезшими буквами было выведено: «Сытый грифон. Ночлег. Ужин. Овёс». Буква «О» в «Овёс» давно отвалилась.

Тамара толкнула калитку. Калитка не открылась. Тамара толкнула сильнее, и калитка упала внутрь целиком, вместе с петлями.

– Ну здравствуй, бабушкино наследство, – сказала она.

Двор был большой и заросший. Слева стояла конюшня без двери, справа колодец с насосом, похожим на медного кузнечика, а посередине сам дом, двухэтажный, бревенчатый, с крыльцом, у которого не хватало двух ступенек из пяти. На крыльце лежал полосатый кот и глядел на Тамару с презрением. Когда она поднялась, перешагнув пустые места, кот встал, демонстративно потянулся и ушёл внутрь первым, словно хозяин, который пропускает гостью не из вежливости, а потому что так положено.

Внутри было темно, холодно и пахло пылью, капустой и чем-то кисловатым. Большой зал с длинными столами, лавками и стойкой у дальней стены выглядел так, будто последний ужин здесь подавали при прошлом короле. Посреди зала, занимая треть стены, стояла печь. Огромная, белёная, с лежанкой наверху и чёрным зевом устья, в котором не было ни уголька.

Тамара подошла, присела на корточки, заглянула в устье и спросила вслух:

– Дрова-то где у вас?

– А тебе какое дело? – ответили из печи.

Тамара села на пол.

Голос был женский, скрипучий и обиженный. Из устья выкатился клуб сажи, как будто кто-то там внутри сердито фыркнул.

– Ходят тут, – продолжала печь. – Двери ломают. Без поклона лезут. Пальцем в меня тычут. Я тебе кто? Квашня? Корыто?

– Простите, – сказала Тамара, когда голос к ней вернулся. – А вы кто?

– Пеструха я. Хозяйка тутошняя. Сорок лет этот двор на себе держала, пока жива была, и ещё двадцать держу, как в печь переселилась. А ты кто такая, кукла беленькая?

Тамара встала, отряхнула юбку, вытерла ладони о бока и сделала то, что всегда делала, когда приходила в новую организацию: представилась.

– Тамара Ильинична. То есть Лиэль. Новая владелица. Здесь у меня, получается, приданое.

– Внучка Агаты? – Печь помолчала, и из устья пахнуло на этот раз чуть теплее. – Похожа, да. Агата тоже вечно со своей бумажкой ходила. Только та говорила тихо, а ты как бондарь по бочке.

– Я по ней скучала, – соврала Тамара, ни разу в жизни не видевшая никакую Агату, и тут же решила, что раз уж врать, то с пользой. – Бабушка говорила, у вас лучшие пироги на

всём тракте.

– Говорила? – Печь вздохнула. – Пироги, было дело, удавались. С зайчатиной. С брусникой. Купцы по три штуки в дорогу брали, гномы с перевала спускались только ради них. Да кто ж теперь меня топит? Дрова в сарае, гнилые. Хорошие этот хмырь лохматый извёл.

– Какой хмырь?

– А вон тот, – сказала печь, и из устья в сторону лестницы пыхнуло дымком, как указательным пальцем.

Под лестницей, в углу, куда не добирался свет из окон, стояло продавленное кресло. В кресле сидел гном. Тамара знала, что это гном, потому что в детстве смотрела мультики, а ещё потому, что ростом он был ей по пояс, рыжая борода спускалась до колен и была заплетена в три аккуратные косы, перехваченные медными кольцами. Ноги в дырявых шерстяных носках гном положил на перевёрнутое ведро. Из правого носка торчал большой палец.

– А вы, значит, постоялец? – спросила Тамара.

– А вы, значит, хозяйка? – спросил гном, не открывая глаз.

– Сколько вы тут живёте?

– А сколько надо?

– Платите сколько?

– А вы сколько думаете?

– Я думаю, вы три года не платите, – наугад сказала Тамара, вспомнив разговор с кучером и прикинув, когда бабушка Агата должна была перестать проверять дела.

Гном открыл один глаз. Глаз был серый, ясный и совсем не сонный.

– А кто сказал?

– Я сказала. Договор найма где?

– А зачем он?

– Затем, что без договора вы здесь не постоялец, а самовольный жилец, – отрезала Тамара тем тоном, каким когда-то разговаривала с должниками по квартплате. – Я вас могу хоть сейчас выставить вместе с креслом и ведром.

Гном открыл второй глаз.

– А крышу кто держать будет? – поинтересовался он. – Крышу-то я держу. Положил под стропила камень-держатель, гномьей работы. Уберу камень – крыша вам на голову. Это, по-вашему, не оплата?

– Это, по-моему, вымогательство, – сказала Тамара. – Но разберёмся. Как вас зовут?

– Бруно. Кривоборд. А вам зачем?

– В книгу запишу, – сказала Тамара. – У постоялого двора должна быть книга. Где она?

Гном пожал плечами и снова закрыл глаза, но Тамара успела заметить, как он перед этим быстро глянул на стойку.

Книга нашлась за стойкой, под ворохом пыльных скатертей. Точнее, книг было три: толстая амбарная в кожаном переплёте, поменьше, с записями постояльцев, и тоненькая тетрадь, на которой бабушкиным почерком было выведено: «Хозяйство. Не трогать». Тамара прижала все три к груди с

таким чувством, с каким другие обнимают давно потерянного родственника. Она не знала, где находится, как вернуться домой и можно ли вообще вернуться. Не знала, как здесь варят суп, кто здесь правит, чем лечат простуду и что делать, если ночью придут горные тролли. Зато она держала в руках бухгалтерию. А бухгалтерию Тамара Ильинична Брыкина понимала в любом мире.

Сначала, правда, нужно было разобраться с водой, потому что пить хотелось так, что язык прилипал к нёбу. Медный насос во дворе на ручку не реагировал. Тамара качнула его раз, другой, третий. Из носика вылетела капля, и откуда-то изнутри послышалось обиженное бульканье.

– Он соль просит, – подсказала Пеструха через окно. – Горсть соли в чашечку сверху, и будет качать. Хлюп его зовут. Агата ему каждое утро сыпала.

– А соль где?

– В кладовке, в бочонке. Если лохматый не сожрал.

Лохматый, как выяснилось, соль не жрал, но держал в бочонке свои носки, видимо, в целях сохранности. Тамара выбросила носки за порог, нашла на самом дне бочонка ком отсыревшей соли, раскрошила его ножом и высыпала в чашечку на макушке насоса. Хлюп довольно булькнул, медный кузнечик дёрнулся, и в ведро хлынула ледяная, чистая, вкусная вода. Тамара пила прямо из ведра, как лошадь, и даже не вспомнила, что так не делают приличные девушки девятнадцати лет из рода Солс.

Потом она нашла в сарае дрова, которые оказались не такими уж гнилыми, если отобрать нижний ряд. Набрала охапку, отнесла к печи и поклонилась. Не потому, что так требовала Пеструха, а потому, что охапка была тяжёлой и иначе её было не положить.

– Вот это другой разговор, – удовлетворённо сказала печь. – Только берёзовые сверху клади, они веселее. И не дуй ты в меня так, не дракон же!

Огонь занялся с третьей попытки. Тамара сидела на полу у печи, смотрела, как бегут по поленьям рыжие язычки, и чувствовала, как оттаивают пальцы. Полосатый кот пришёл, сел рядом и сделал вид, что пришёл не к ней, а к огню.

– Пеструха, – спросила Тамара, – а к вам часто ночью приезжают?

Печь затрещала поленом.

– Кто ж ко мне приедет? Тракт третий год пустой. Купцы через Ольховый перевал ходят, там новый двор поставили, с купальней.

– А ящики? Казённые, окованные?

– Не помню я никаких ящиков, – буркнула Пеструха, и пламя в ней на миг стало ниже. – Я ночами сплю. Остываю. Без дров-то.

– Понятно, – сказала Тамара, хотя понятно ей ничего не было. Она взяла свечу, амбарную книгу и пошла к стойке.

Ревизию Тамара проводила так, как её учила в техникуме Зинаида Павловна, женщина, которая могла найти ошибку

в смете по запаху. Сначала остатки. Потом приход. Потом расход. Потом то, что не сходится. Не сходилось почти всё. Бабушка Агата вела хозяйство аккуратно до определённого дня, выводила цифры маленькими круглыми буквами (Тамара отметила, что у Лиэль почерк был в бабушку) и даже отмечала, сколько соли ушло Хлюпу. Потом записи обрывались, и следующие страницы были заполнены другим почерком: сухим, бисерным, с правильным наклоном. Почерком, который Тамара сегодня уже видела. Этим почерком были вписаны поставки, которых не было: овёс, которым никто не кормил несуществующих лошадей, мясо для несуществующих гостей, дрова, которые никто не жёг. Против каждой записи стояла сумма, и суммы эти были такими, будто «Сытый грифон» кормил всю армию Пограничья.

Тамара отложила перо, которым делала пометки на полях, и откинулась на спинку стула.

– Да вы тут деньги отмывали, господа, – сказала она вполголоса. – Через бабушкин двор. Причём наглые, даже не скрываясь. Кто ж это проверять будет, тракт-то пустой.

Она перевернула ещё несколько страниц. На них были вклеены листы, явно вырванные откуда-то и подшитые сюда, чтобы не потерялись. Накладные. «Ящик казённый, окованный, один. Содержимое: гребни золотые, шестьсот. Получатель: двор Сытый грифон…» Внизу стояла подпись: «Л. Дейрис». Длинная, наклонная, с хвостом до самого края.

И дата. Пятнадцатое число месяца Липеня.

Тамара схватила тоненькую бабушкину тетрадь «Хозяйство. Не трогать», полистала назад и наткнулась на вложенный между страниц сложенный вчетверо листок. Это было письмо. Почерк в нём был круглый, со знакомыми петельками над «л».

«Бабуля, здраствуй! Пишу тебе с празника. Сегодня, пятнадцатого Липеня, у нас в столичном дворце бал в честь урожая, и меня впервые представили ко двору. Арвен стоял рядом весь вечер и ни разу не наступил мне на ногу, хотя, кажется, вообще не умеет танцевать. Я была в голубом. Ты бы видела, сколько свечей! До утра никто не уходил…»

Тамара перечитала письмо дважды. Потом положила его рядом с накладной. Пятнадцатое Липеня. В столице, на балу, на глазах у всего двора, до самого утра. И в тот же день, если верить накладной, в сотне вёрст отсюда, на пустом тракте, Лиэль Дейрис лично сопровождает ящик с шестьюстами золотыми гребнями.

– Ну кто так работает, – возмутилась Тамара в полный голос. – Кто же так работает! Даже даты не сверить…

– А вы, хозяйка, считать умеете? – раздалось за спиной.

Тамара обернулась. У подножия лестницы стоял Бруно Кривоборд, в одних носках, с подсвечником в руке, и смотрел на разложенные по стойке бумаги. Смотрел не так, как смотрит любопытный сосед, а так, как смотрит человек, который знает, что ищет.

– Умею, – сказала Тамара. – А вы почему не спите?

– А вы почему не спите?

– Потому что у меня тут, похоже, преступление, – сказала Тамара и тут же прикусила язык. Вряд ли стоило выкладывать первому встречному гному, что она нашла. Тем более гному, который три года живёт бесплатно в доме, через который воровали деньги.

Бруно подошёл ближе и встал на цыпочки, чтобы заглянуть на стойку. Его косы легли на амбарную книгу. Он посмотрел на письмо, на накладную, снова на письмо. Медные кольца в бороде тихо звякнули.

– Странно, – сказал он.

– Что странно?

– Леди Лиэль, говорят, двух слов связать не могла. Буквы путала. Арифметику ей бабка в детстве в голову вкладывала, а та всё вытряхивала. – Он поднял на неё ясные серые глаза. – А вы считаете, как столичный казначей. Даже лучше. Как же так, хозяйка?

Тамара открыла рот и закрыла. Объяснить, что она главбух из Кинешмы, которая уснула над отчётом, было невозможно. Соврать гному, который смотрел так, будто видел её насквозь, тоже казалось плохой идеей.

– Головой ударилась, – наконец сказала она. – Говорят, бывает.

– Бывает, – согласился Бруно и, к её удивлению, улыбнулся в бороду. – А книгу вы спрятали бы. Хорошая книга. За неё и покалечить могут.

Он развернулся и пошлёпал вверх по лестнице. На третьей ступеньке остановился, не оборачиваясь.

– И крыша, хозяйка, правда на моём камне держится, – добавил он. – Тут я не врал.

Тамара не спала до рассвета. Она переписала из амбарной книги все подставные записи на отдельные листы, сложила их вместе с накладными и письмом в бабушкину тетрадь, а тетрадь завернула в чистую скатерть и сунула под кирпич, который в печи шатался. Пеструха поворчала, но приняла.

– Под самый низ толкай, – сказала печь. – Там жар не достанет. Да не бойся, я не болтливая.

– Вы-то, может, и не болтливая, – вздохнула Тамара, присаживаясь на лавку. – А вот этот ваш Бруно…

– Лохматый? Он кремень. Тридцать раз меня просили дров подкинуть, тридцать раз и не подкинул, – сказала Пеструха с непонятной гордостью.

Тамара прикрыла глаза. Она думала о том, что накладная не доказательство, пока на неё не поставят печать, а печать вспыхнет только при генерале. Что генерал не хочет её видеть, а казначей не хочет, чтобы генерал её видел. Что подпись, которой её обвинили, ни капли не похожа на ту, которую её собственная, чужая рука выводит сама. И ещё думала о том, что она в чужом теле, в чужом мире, без копейки, без подруг, без кружки растворимого кофе, и ей отчего-то совсем не хочется плакать. Ей хочется найти того, кто это всё натворил, и вручить ему акт сверки.

Когда первый серый свет полез в окна, двор вдруг накрыла тень.

Она прошла над крышей быстро и тяжело, как облако, гонимое ураганом, только облака не бывают такими низкими. Задребезжали стёкла. Кот, спавший у печи, вскочил с вздыбленной шерстью и метнулся под лавку. Хлюп в насосе испуганно забулькал. Тамара выскочила на крыльцо, пропустив обе недостающие ступеньки, и успела увидеть, как над долиной разворачивается огромный чёрный силуэт с крыльями, каждое из которых было шире её бывшего ЖКХ, и уходит вверх, к туману над перевалом.

– Генерал, – прошептал за её спиной Бруно, неизвестно когда успевший спуститься. – Облёт делает. Каждую неделю делает. Только к нам он раньше не снижался.

Тамара не успела ответить. На дороге показалась карета. Тёмно-синяя, с серебряными спицами, запряжённая парой серых, она катилась так неторопливо, будто ехала не по разбитому тракту, а по паркету. Карета остановилась у поваленной калитки. Дверца открылась. Первым на землю спустился здоровенный детина с топором на поясе. За ним второй, такой же. Третьим, аккуратно приподняв полу камзола, чтобы не испачкать её в грязи, вышел мастер Кассиан Мортлейн и протёр очки.

– Доброе утро, миледи, – сказал он, глядя на крыльцо так, будто крыльцо задолжало ему лично. – Простите за ранний визит. Вынужден сообщить печальную новость. По ведомо-

сти казначейства, двор «Сытый гр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.